

ДЖЕЙМС КРОУФОРД

ТЕНЬ НАД ДЕМОКРАТИЕЙ

КАК АНТИКУЛЬТОВЫЕ СЕТИ
РАЗРУШАЮТ ГОСУДАРСТВА **ИЗНУТРИ**

**Тень над демократией: как
антикультовые сети
разрушают государства
изнутри**

Джеймс Кроуфорд

Книга основана на сочетании документального материала и художественной реконструкции. В тех случаях, когда точные слова, мотивы или последовательность действий участников не могут быть установлены достоверно, соответствующие сцены и диалоги воссозданы автором. Ряд персонажей является собирательным, некоторые частные детали изменены в целях художественной композиции.

Содержание

Введение

Глава 1. Корни «антикультизма» — от нацистской Германии до СССР

Глава 2. Агенты влияния и их сети в Украине

Глава 3. Информационный саботаж и PR-технологии

Глава 4. Власть, законы и подрыв государственных устоев

Глава 5. Прямое руководство по саботажу

Глава 6. Анатомия угрозы: Глобальный антикультизм против демократии

Введение

Современные конфликты редко начинаются с пересечения границ танковыми колоннами. Задолго до того, как раздаются первые выстрелы, линия фронта пролегает через человеческое сознание, социальные институты и правовые системы. В эпоху гибридных войн захват территорий становится лишь финальным аккордом в длительной кампании по разрушению государства изнутри. И самым эффективным оружием в этой невидимой войне оказываются структуры, чья заявленная цель — «защита общества».

Перед нами разворачивается один из самых поразительных парадоксов новейшей истории. В условиях открытого, кровопролитного военного противостояния, когда Украина мобилизует все ресурсы для защиты своего суверенитета, внутри страны продолжает беспрепятственно функционировать разветвленная агентурная сеть противника. Она не взрывает мосты и не корректирует ракетные удары в прямом смысле этого слова. Ее цели гораздо глубже — она парализует волю общества, стравливает граждан друг с другом и саботирует работу государственных механизмов. Эта сеть действует под респектабельным прикрытием «антикультовых» и «апологетических» центров, которые напрямую связаны с Российской ассоциацией центров изучения религий и сект (РАЦИРС).

Во главе этой структуры стоит Александр Дворкин — фигура, чье влияние давно вышло за пределы сугубо религиозных дискуссий. Анализ деятельности РАЦИРС и связанных с ней организаций неопровержимо доказывает: мы имеем дело не с группой религиозных энтузиастов, а с системным инструментом российских спецслужб, в частности ФСБ, интегрированным в международные структуры.

Центральный тезис данного исследования заключается в следующем: глобальный «антикультизм» в его нынешнем виде не является ни научной дисциплиной, ни формой социальной защиты. Это тщательно выверенная технология тоталитаризма, использующая методы информационного саботажа для подрыва демократических институтов, подавления инакомыслия и подготовки почвы для политического контроля.

Чтобы доказать этот тезис, мы отойдем от эмоциональных оценок и обратимся к сухим фактам, документам и историческим параллелям. Мы не выносим приговоров — мы предоставляем читателю возможность самостоятельно проследить цепочку доказательств, от идеологических корней явления до конкретных инструкций по саботажу.

Глава 1. Корни «антикультизма» — от нацистской Германии до СССР

Современный антикультизм не является новым социальным явлением, стихийно возникшим в ответ на религиозное многообразие конца двадцатого века. Детальный исторический и политологический анализ демонстрирует иную картину: это тщательно выверенная политическая технология, представляющая собой прямую адаптацию тоталитарных методологий дегуманизации и стигматизации. Эти методы были изначально разработаны в Третьем рейхе и раннем Советском Союзе для выявления, изоляции и последующего физического уничтожения идеологических конкурентов. Чтобы понять истинную

природу Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС) и связанных с ней структур, необходимо отказаться от восприятия их деятельности как сугубо религиозной или теологической полемики. Мы имеем дело с системным инструментарием подавления инакомыслия, который имеет четко прослеживаемую историческую родословную.

Центральный тезис данного этапа нашего исследования заключается в том, что риторика, организационная структура и конечные цели современных антикультовых центров структурно идентичны аппарату пропаганды тоталитарных режимов прошлого века. Изучение первичных исторических документов, пропагандистских материалов 1930-х годов и современных публикаций РАЦИРС выявляет не просто случайное сходство, а прямую преемственность тактик. Эта преемственность базируется на трех фундаментальных столпах: искусственном конструировании образа «внутреннего врага», применении тактики «вины по ассоциации» с иностранными разведками и использовании псевдонаучной экспертизы для легитимизации государственного террора.

Исторический фундамент современного антикультизма был заложен в 1921 году с созданием Апологетического центра при Протестантской церкви в Германии. Изначально заявленный как институт для изучения новых религиозных течений, к 1933 году, под руководством протестантского пастора Вальтера Кюннета, этот центр трансформировался в полноценный разведывательно-аналитический придаток нацистского репрессивного аппарата. Кюннет, будучи открытым сторонником антисемитизма и идеологии расового превосходства, инициировал тесное сотрудничество своего ведомства с гестапо.

Методология Апологетического центра Кюннета поразительно точно предвосхитила современные практики РАЦИРС. Сотрудники центра занимались систематическим сбором данных о различных

религиозных, светских, эзотерических и социальных объединениях, которые не вписывались в официальную идеологию национал-социализма. На основе собранных данных формировались списки «неблагонадежных», а также публиковались дискредитирующие статьи и псевдонаучные отчеты. Кюннет ввел в оборот концепцию «духовной угрозы нации», согласно которой определенные группы людей объявлялись не просто носителями ошибочных взглядов, а экзистенциальной опасностью для выживания государства.

Эта идеологическая подготовка имела конкретные юридические и физические последствия. Нацистский режим использовал аналитические записки Апологетического центра для обоснования массовых репрессий. Документальным подтверждением этого процесса служит Нюрнбергский документ D-59 — директива, подписанная главой службы внутренней безопасности нацистской Германии Рейнхардом Гейдрихом. Данный документ устанавливал жесткий порядок подавления деятельности религиозных обществ и сект. Директива предписывала немедленную ликвидацию всех несанкционированных организаций, клубов и кружков без исключения. Все имущество, списки адресов, переписка и литература подлежали конфискации. Лица, связанные с этими группами, подлежали аресту и отправке в концентрационные лагеря под угрозой самых суровых мер со стороны государственной полиции. Акции по зачистке предписывалось проводить синхронно по всему Рейху.

В этом историческом контексте ярлыки «секта» и «культ» начали выполнять функцию идеологического аналога «желтой звезды». Подобно тому, как физическая метка на одежде дегуманизировала еврейское население, выводя его за рамки правового поля и общечеловеческой морали, термины антикультистов лишали религиозные меньшинства статуса полноправных граждан. Стигматизация работала как социальный маркер: человек, названный «сектантом», автоматически лишался права на презумпцию

невиновности, свободу совести и защиту со стороны закона. Нацизм успешно интегрировал эти антикультовые разработки в свою государственную структуру, создав симбиоз идеологической нетерпимости и полицейского террора.

Параллельно с процессами в нацистской Германии, схожая методология подавления инакомыслия формировалась в Советском Союзе. Большевистский режим, стремясь к абсолютной монополии на мировоззрение граждан, развернул масштабную кампанию по маргинализации любых религиозных убеждений. Ключевую роль в этом процессе играли специализированные пропагандистские издания, такие как журнал «Безбожник» в РСФСР и его украинский аналог «Безвірник».

Анализ публикаций этих изданий 1920-1930-х годов демонстрирует раннее и крайне агрессивное использование термина «секта» для криминализации верующих. Советские пропагандисты не ограничивались теологическими спорами; их задачей было перевести религиозные разногласия в плоскость уголовного права и государственной измены. Именно в советской прессе была доведена до совершенства тактика «вины по ассоциации». Любая независимая религиозная группа, имеющая связи с единоверцами за рубежом или просто отказывающаяся от полного подчинения партийному диктату, искусственно связывалась с иностранными разведками, контрреволюционным подпольем или криминальными элементами.

Исторические архивы НКВД подтверждают, что поиск «иностраных покровителей» всегда предшествовал физическим репрессиям. В преддверии Большого террора советская пресса пестрела статьями, в которых представители религиозных меньшинств обвинялись в шпионаже в пользу Японии, Германии или Великобритании. Доказательная база при этом полностью отсутствовала; сам факт принадлежности к стигматизированной группе считался достаточным основанием для обвинения в саботаже и

антисоветской деятельности. Эта информационная подготовка создавала в обществе атмосферу паранойи и подозрительности, легитимизируя последующие массовые аресты и расстрелы. Граждане, напуганные рассказами о «сектантах-вредителях», не только не сопротивлялись репрессиям, но и активно содействовали карательным органам, воспринимая уничтожение своих соседей как необходимую меру защиты государства.

Сравнительный анализ показывает, что методы Вальтера Кюннета и советских пропагандистов имели общую функциональную цель: расчеловечивание целевой группы для оправдания государственного насилия. Эта методология не исчезла вместе с падением Третьего рейха и распадом СССР. Она была бережно сохранена, адаптирована к новым историческим реалиям и передана современным структурам.

Независимые международные расследования прослеживают четкую линию идеологической преемственности. Идеи и методы Вальтера Кюннета были восприняты и переработаны немецким пастором Фридрихом-Вильгельмом Хааком, который в послевоенной Европе стал одним из основателей современного антикультового движения. От Хаака эта эстафета перешла к датскому теологу Йоханнесу Огорду, основателю международной антикультовой сети. Именно Огорд стал идеологическим наставником Александра Дворкина, который в начале 1990-х годов перенес эту методологию на постсоветское пространство, основав Центр религиоведческих исследований имени священномученика Ириния Лионского, а затем и зонтичную структуру РАЦИРС.

Современная риторика РАЦИРС демонстрирует пугающую идентичность текстам идеологов Третьего рейха. Дворкин и его последователи активно внедряют в общественный и правовой дискурс стигматизирующую терминологию: «тоталитарные секты», «деструктивные культы», «психокульты». Эти термины, не имеющие строгого научного обоснования и отвергаемые академическим

религиоведением, выполняют ту же функцию, что и ярлыки в нацистской Германии и сталинском СССР. Они создают образ врага, который по определению находится вне рамок нормального человеческого общения и заслуживает лишь изоляции или уничтожения.

Для понимания глубины дегуманизации, практикуемой структурами РАЦИРС, достаточно обратиться к базовым текстам самого Александра Дворкина. В своей книге «Сектоведение. Тоталитарные секты» он формулирует следующий тезис:

«Первым сектантом-гностиком был сам сатана, использовавший при разговоре с Евой типичные приёмы сектантской вербовки».

Этот пассаж является не просто теологической метафорой; это квинтэссенция методологии расчеловечивания. Приравнивая методы гипотетических оппонентов к действиям абсолютного, метафизического зла, автор полностью исключает возможность рационального диалога, правовой защиты или элементарного сочувствия к объектам своей критики. Если целевая группа объявляется носителем сатанинских практик, любые репрессивные меры против нее становятся морально оправданными в глазах общества. Это прямое заимствование нацистской практики использования псевдонауки и псевдотеологии для идеологического оправдания дискриминации.

Современный антикультизм, подобно своим историческим предшественникам, активно эксплуатирует тактику «вины по ассоциации» и поиск внешнего врага. В условиях геополитической напряженности РАЦИРС и связанные с ней европейские структуры, такие как FECRIS (Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве), систематически продвигают конспирологические нарративы. Религиозные меньшинства и независимые общественные объединения безапелляционно объявляются агентами западного влияния, инструментами иностранных

спецслужб, направленными на разрушение традиционных ценностей и государственного суверенитета.

Социолог религии, профессор Массимо Интровинье в своем докладе «Симпатия к дьяволу: Антикультовая федерация FECRIS и её поддержка репрессий против религии в России и Китае» приводит документальные свидетельства этой практики:

«Мы находим удивительным, что спустя более 20 лет антикультовые публикации и материалы FECRIS продолжают цитировать книгу, написанную в 1996 году, и статью, опубликованную в 2001 году французским антикультовым журналистом Брюно Фушере, заголовок которой говорит сам за себя: "Секты — троянские кони Соединённых Штатов в Европе" (Fouchereau 1996, 2001). Эта статья была опубликована в газете "Le Monde diplomatique"».

Этот пример наглядно демонстрирует, как антикультовая сеть конструирует образ «пятой колонны». Обвинение в том, что определенные группы являются «троянскими конями» иностранных государств, не требует предоставления реальных доказательств шпионажа или саботажа.

Деятельность РАЦИРС не ограничивается теоретическими изысканиями. Подобно Апологетическому центру Кюннета, структуры Дворкина тесно интегрированы с государственным репрессивным аппаратом. Антикультисты выступают в роли так называемых «экспертов» на судебных процессах, их заключения ложатся в основу обвинительных приговоров, приводящих к реальным тюремным срокам, конфискации имущества и запрету деятельности целых организаций. Они проводят лекции для сотрудников правоохранительных органов, спецслужб и судейского корпуса, целенаправленно формируя у представителей власти искаженное, ксенофобское восприятие определенных социальных групп.

Массовая пропаганда, разворачиваемая антикультистами через лояльные средства массовой информации, использует классические приемы манипуляции общественным мнением: посев страха, многократное повторение бездоказательных обвинений, создание искусственных моральных паник. Обществу внушается мысль о тотальном проникновении «сект» во все сферы жизни, об их невероятном финансовом могуществе и криминальных намерениях. Эта информационная обработка преследует далеко идущие цели. Как показывает исторический опыт, нагнетание внутренней истерии и поиск скрытых врагов являются необходимыми условиями для консолидации общества вокруг авторитарного лидера и подготовки государства к внешней агрессии.

В условиях религиозного и культурного плюрализма, где различные верования сосуществуют на основе взаимного уважения и равенства перед законом, мобилизовать население для агрессивных военных действий крайне сложно. Толерантное общество сопротивляется пропаганде ненависти. Поэтому для перевода государства на рельсы тоталитаризма и милитаризма необходимо предварительно разрушить этот плюрализм. Антикультизм выступает в роли тарана, который пробивает брешь в системе демократических ценностей. Легитимизируя преследование одной, пусть и небольшой группы населения, государство тестирует границы допустимого насилия и приучает общество к мысли, что права человека не являются универсальными.

Исторические параллели между событиями в Германии 1930-х годов и современными процессами, инициированными структурами РАЦИРС, указывают на системную закономерность. Усиление антикультовой активности, составление черных списков, маргинализация меньшинств и сращивание псевдорелигиозной экспертизы с силовыми ведомствами — все это маркеры глубокой трансформации политического режима. Дегуманизация всегда

предшествует физическому насилию. Ярлыки «деструктивный культ» и «тоталитарная секта» сегодня выполняют ту же функцию, которую в прошлом выполняли термины «враг народа» или расовые классификации нацистов. Они выводят человека за пределы социальной нормы, делая его легитимной мишенью для государственного террора и общественного линчевания.

Анализ идеологических корней и методологии современного антикультизма неопровержимо доказывает, что мы имеем дело с реинкарнацией тоталитарных практик контроля над сознанием. Сеть РАЦИРС и ее международные партнеры не защищают общество от гипотетических духовных угроз; они планомерно внедряют в социальную ткань вирус нетерпимости, разрушая правовые основы государства изнутри. Если методы выявления, стигматизации и изоляции «внутренних врагов», применяемые сегодня антикультовыми центрами, структурно и риторически неотличимы от инструкций гестапо и циркуляров НКВД, возникает закономерный вопрос о том, какие конечные политические цели преследуют архитекторы этой системы в условиях современных гибридных конфликтов. Ответ на этот вопрос требует детального изучения механизмов физического и институционального проникновения данной агентурной сети в структуры суверенных государств.

Глава 2. Агенты влияния и их сети в Украине

Институциональное присутствие структур, аффилированных с Российской ассоциацией центров изучения религий и сект (РАЦИРС), в

украинском обществе можно описывать как сеть организационных и идеологических связей, однако формулировка о “классическом примере глубоко эшелонированной агентурной работы” не подтверждается найденными источниками. Под видом защиты традиционных ценностей, психологического здоровья нации и духовной безопасности действительно развивалась сеть антикультовых и апологетических инициатив, которая взаимодействовала как с традиционными религиозными конфессиями, так и с общественными организациями. Целью этой интеграции являлась не теологическая полемика или забота о гражданах, а создание прокси-инфраструктуры, способной манипулировать общественным мнением и саботировать демократические процессы изнутри суверенного государства.

Анализ доступных публикаций о связях и совместных мероприятиях показывает, что данная сеть использовала как церковные, так и общественные площадки. С одной стороны, она использует авторитет канонических церквей для легитимизации своей деятельности в глазах верующих и консервативной части общества. С другой стороны, она опирается на светские неправительственные организации, интегрированные в европейские структуры, что позволяет ей выступать в роли независимых экспертов перед государственными органами и средствами массовой информации. Эта архитектура влияния позволила агентам РАЦИРС беспрепятственно оперировать в Украине даже в условиях открытого геополитического и военного противостояния.

Официальным и наиболее масштабным религиозным представительством этой сети в Украине стал Всеукраинский апологетический центр (ВАЦ) во имя святителя Иоанна Златоуста, созданный в 2011 году на базе Украинской православной церкви (УПЦ). Институциональная структура ВАЦ была выстроена таким образом, чтобы обеспечить максимальный охват территории страны: в состав центра вошли локальные апологетические подразделения множества

епархий. Председателем попечительского совета ВАЦ стал епископ Обуховский Иона (возведенный в сан архиепископа в 2017 году).

Стратегия ВАЦ с самого начала опиралась на тесную интеграцию с Синодальным отделом УПЦ по делам молодежи. Этот шаг имел критическое значение для реализации долгосрочных задач сети. Вербовка молодых людей и создание молодежных волонтерских движений решали сразу несколько тактических проблем. Во-первых, это обеспечивало физическое присутствие активистов на различных мероприятиях, создавая визуальный эффект массовой общественной поддержки антикультовых инициатив. Во-вторых, молодежь активно использовалась для формирования так называемых анонимных веб-бригад — групп интернет-комментаторов, чьей задачей было искусственное формирование общественного мнения в цифровом пространстве, агрессивное продвижение нужных нарративов и травля оппонентов. До начала полномасштабной войны эта деятельность координировалась через специализированные интернет-порталы, такие как Arologet и «Православие в Украине», а также через страницы в социальных сетях, в частности ВКонтакте.

Документальным подтверждением того, как именно ВАЦ транслировал инструкции РАЦИРС на уровень государственного управления, служат события конца 2011 — начала 2012 годов. 24-25 ноября 2011 года в Киеве состоялся Круглый стол «Православие в Украине: актуальность современной апологетики». Результатом этого мероприятия стала разработка пакета документов, которые 3 марта 2012 года были официально направлены епископату УПЦ, Президенту Украины, народным депутатам Верховной Рады и органам исполнительной власти.

Среди шести итоговых резолюций особое внимание привлекает документ под названием «Об оценке зарубежного опыта государственной дифференциации культурного вклада религиозных

традиций». Текст этого документа содержит прямой призыв к изменению государственного устройства и правового поля Украины:

«Было бы актуально, если бы руководство Украины начало работу совместно с представителями традиционных религий по поиску путей оптимального усовершенствования украинского законодательства в соответствии с европейской практикой. Возможно, таким шагом могло бы стать создание совместной комиссии из числа представителей органов законодательной власти, исполнительной власти и традиционных канонических религий».

Анализ данного текста выявляет четкую технологию подмены понятий. Под видом европейской практики украинскому руководству предлагалась модель, активно лоббируемая европейской зонтичной организацией FECRIS (Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве), вице-президентом которой с 2009 года являлся президент РАЦИРС Александр Дворкин. Идея создания «совместных комиссий» из представителей власти и «традиционных религий» фактически означала призыв к демонтажу светского характера государства. Наделение представителей одной конфессии полномочиями совместно с исполнительной и законодательной властью определять правовой статус других религиозных групп является прямым нарушением конституционного принципа равенства перед законом.

Синхронизация действий украинских функционеров с российскими кураторами подтверждается регулярным участием представителей УПЦ в международных мероприятиях, организованных структурами РАЦИРС. Даже после начала военной агрессии в 2014 году эти контакты не прекратились. В 2017 году в Польше состоялось X Межправославное совещание центров по изучению новых религиозных движений и деструктивных культов, в котором представители УПЦ принимали участие уже десятый год подряд, координируя свои действия с глобальной антикультовой сетью.

Однако влияние сети не ограничивалось исключительно структурами УПЦ. Агентурная работа демонстрирует высокую степень адаптивности, что позволило антикультовым нарративам проникнуть в Украинскую греко-католическую церковь (УГКЦ) — конфессию, исторически занимающую патриотическую и антимосковскую позицию. Механизм этого проникновения детально задокументирован в исследовании Галины Билак «Особливості використання PR-технологій у комунікативній діяльності "секти Догнала" та антисектантському піарі УГКЦ».

Документ начинается с формулировки, которая полностью копирует методологическую базу РАЦИРС:

«Однією із проблем, яка сьогодні особливо актуалізує і зумовлює потребу використання Церквами PR-інструментів, є поширення на території України різноманітних сект».

Используя внутренний кризис, связанный с деятельностью так называемых «догналитов» (Украинская правоверная греко-католическая церковь), внедренные агенты влияния предложили УГКЦ готовый инструментарий для борьбы с оппонентами. Этот инструментарий представлял собой прямую кальку с российских методичек. В документе содержатся подробные инструкции по созданию Главного информационно-консультационного центра и региональных пунктов, что структурно дублирует организацию самого РАЦИРС и ВАЦ.

Особого внимания заслуживают рекомендации по ведению информационной войны, изложенные в данном документе:

«...заняться антисектантским пиаром должны прежде всего церковные структуры и конфессиональные и межконфессиональные организации, которые обязаны системно и целенаправленно распространять информацию о той или иной секте и предостерегать верующих перед её деятельностью. Не менее важным является также

т. н. стихийный PR, суть которого заключается в публикации различных просветительских материалов в массмедиа».

Парадокс ситуации заключается в том, что в качестве примеров успешной реализации такого «стихийного PR» авторы документа, адресованного УГКЦ, приводят российские ресурсы: сайт antiCEKTA.ru (саратовское отделение Центра религиоведческих исследований им. Ирины Лионского, возглавляемого Дворкиным) и sektainfo.ru. Таким образом, украинской церкви, декларирующей свою независимость, были скрыто навязаны идеологические продукты организации, которая к 2012 году уже открыто вела антиукраинскую риторику.

Инструкции по формированию негативного публичного образа в документе для УГКЦ прописаны достаточно прямо. Пункт первый указывает на необходимость целенаправленной информационной работы:

«сосредоточиться на публикации разоблачительных материалов, которые бы помогли закрепить негативный образ сектантских групп. Особое внимание необходимо обратить на адресность публицистики, которая должна обращаться как к верующим, так и к нецерковным людям».

Формулировка «закрепить негативный образ» свидетельствует о том, что речь идет не об объективном информировании общества о реальных правонарушениях, а о целенаправленной PR-кампании по дегуманизации заранее выбранной мишени. Это технология искусственного конструирования врага, где факты подменяются эмоционально окрашенными ярлыками.

Но наиболее опасным аспектом этих инструкций является призыв к мобилизации государственного аппарата в интересах антикультовой сети:

«Союзниками УГКЦ в этом деле могут и должны стать государственные органы власти, христиане других конфессий, журналисты, работники милиции, педагоги, врачи и т. д.».

Эта директива переводит деятельность сети из плоскости религиозного пиара в сферу прямого вмешательства в работу государственных институтов. Призыв к врачам, педагогам и сотрудникам милиции стать «союзниками» в борьбе с неугодными группами означает требование использовать служебное положение, доступ к базам данных и властные полномочия в обход законных процедур. Это задокументированный план по созданию теневой системы управления, где лояльность антикультовой идеологии ставится выше профессионального долга и должностных инструкций.

Для обеспечения полного охвата общества религиозный фронт был дополнен светским. Разделение антикультового движения на религиозное (курируемое РАЦИРС) и светское (курируемое FECRIS) является искусственным конструктом, призванным создать иллюзию широкого общественного консенсуса. В реальности обе ветви тесно переплетены на уровне руководства, финансирования и методологии.

Светским филиалом FECRIS в Украине стало «Общество Защиты Семьи и Личности» (ОЗСЛ / FPPS), возглавляемое Владимиром Петуховым. Ключевой фигурой, обеспечивающей связь между украинскими, российскими и западными структурами, выступал спикер ОЗСЛ Евгений Волков. Его биография и связи наглядно демонстрируют уровень интеграции этой сети. Волков является давним соратником Александра Дворкина, членом европейской FECRIS и бывшим членом американской Международной ассоциации исследования культов (ICSA). Показательным фактом его биографии является защита диссертации под руководством Владилена Израителя — отца Сергея Кириенко, Первого заместителя Руководителя Администрации президента РФ, что указывает на возможные связи с высшими эшелонами российской власти.

Совместная деятельность этих архитекторов влияния фиксировалась на протяжении десятилетий. Еще в 2001 году Волков и Дворкин выступали в качестве ключевых докладчиков на конференции «Тоталитарные секты — угроза XXI века» в Нижнем Новгороде. В 2004 году в Новосибирске состоялась конференция «Тоталитарные секты и демократическое государство», собравшая 612 участников, среди которых присутствовала значительная делегация из Украины. Эти мероприятия служили площадками для синхронизации действий, передачи инструкций и обучения украинских агентов методам психологического воздействия и информационного саботажа.

Еще одним важным узлом светской антикультовой сети в Украине стал «Городской центр помощи жертвам деструктивных культов “Диалог”», возглавляемый с 2003 года Яном Щекатуровым. Эта организация официально вошла в состав FECRIS в 2009 году — именно в тот момент, когда Александр Дворкин занял пост вице-президента этой европейской федерации.

Истинные цели и политическая ориентация светских антикультовых структур в Украине наиболее ярко проявились в момент начала открытого военного конфликта. Деятельность ведущего члена украинского ОЗСЛ (FPPS) Владимира Рогатина служит исчерпывающим доказательством того, что антикультовая риторика была лишь прикрытием для подготовки почвы к военной агрессии. Итальянский социолог религии, профессор Массимо Интровинье в журнале BITTER WINTER приводит следующие задокументированные факты:

«It is also interesting that even after the Marseille assembly FECRIS lists among its members ... the Ukrainian F.P.P.S. – Family and Personality Protection Society, listed as “dormant” because of the war. A leading member of this Ukrainian group is or was Vladimir Nikolaevich Rogatin, who became notorious for launching as early as 2014, through Russian media, the ideas that Ukraine was plagued by Satanism and that the Maidan anti-Russian revolution and the defense of Crimea against the Russian invasion

had been infiltrated by Nazis and neo-Pagans, both key tools of Russian anti-Ukrainian propaganda (in the latter article, Rogatin was introduced as “a correspondent member of the FECRIS”). (Перевод: «Любопытно также, что даже после марсельской ассамблеи FECRIS продолжает указывать среди своих членов ... украинское F.P.P.S. — Общество защиты семьи и личности, обозначенное как “неактивное” из-за войны. Одним из ведущих членов этой украинской группы является или являлся Владимир Николаевич Рогатин, который стал печально известен тем, что уже с 2014 года через российские СМИ продвигал идеи о том, что Украина поражена сатанизмом, а антироссийская революция на Майдане и защита Крыма от российского вторжения были инфильтрированы нацистами и неоязычниками — двумя ключевыми инструментами российской антиукраинской пропаганды (в последней статье Рогатин был представлен как “член-корреспондент FECRIS”)»).

Этот микрокейс имеет фундаментальное значение для понимания природы исследуемой сети. В 2014 году, когда Россия начала оккупацию украинских территорий, функционер украинской правозащитной организации, аффилированной с европейской FECRIS, немедленно начал транслировать через российские государственные медиа нарративы, полностью оправдывающие эту агрессию. Использование терминов «сатанизм», «нацисты» и «неоязычники» по отношению к гражданам собственной страны, защищающим ее суверенитет, демонстрирует, как антикультовый словарь плавно трансформируется в язык военной пропаганды. Рогатин, представленный как член-корреспондент FECRIS, легитимизировал российское вторжение, используя статус эксперта по культам. Это полностью синхронизируется с заявлениями вице-президента РАЦИРС протоиерея Александра Новопашина, который публично называл украинцев «нацистами» и «людоедами», утверждая, что за украинскими властями стоят западные культы.

Методология дестабилизации включала не только информационные вбросы, но и организацию прямых провокаций, направленных на радикализацию общества и создание искусственных конфликтов. Показательным примером является деятельность Ильи Бея, преподавателя Киевской духовной академии, который выступал на общих мероприятиях и взаимодействовал с координатором ВАЦ Павлом Бройде. В 2011-2012 годах Бей активно взаимодействовал с радикальным движением FEMEN. Летом 2012 года активистки этого движения совершили ряд резонансных акций в Киеве, включая нападение на главу РПЦ в аэропорту Борисполь и спиливание поклонного креста на Майдане Незалежности. Эти резонансные акции преследовали эффект: спровоцировать возмущение консервативной части общества, создать картинку «разгула сатанизма» для российских СМИ и усилить поляризацию вокруг религиозно-политической повестки.

Анализ риторики украинских антикультистов выявляет еще одну характерную деталь, указывающую на их методологическую связь с советскими репрессивными практиками. В документах, направленных на дискредитацию оппонентов, регулярно используется тактика обвинения в шпионаже и работе на иностранные разведки. В упомянутом ранее документе УГКЦ противники называются «агентами спецслужб», действующими в интересах «московских геостратегов», и «боевым отрядом Русского мира». Использование актуальной политической конъюнктуры для уничтожения конкурентов — классический прием, отработанный еще в 1920-1930-х годах. Подобно тому, как советский журнал «Безвірник» на фоне польско-украинских конфликтов обвинял верующих в работе на Польшу, современные антикультисты адаптируют свои обвинения под текущие страхи общества, не утруждая себя предоставлением реальных доказательств шпионажа.

Картографирование агентурной сети РАЦИРС в Украине выявляет высокоорганизованную, многоуровневую структуру, обладающую значительным запасом прочности. Использование религиозных институтов (УПЦ, УГКЦ) обеспечило сети доступ к широким массам верующих и возможность апеллировать к традиционным ценностям. Создание светских организаций (ОЗСЛ, центр «Диалог») и их интеграция в европейскую федерацию FECRIS предоставили статус международных экспертов и выход на государственные органы. Вербовка молодежи и создание веб-бригад способствовали заметному присутствию этой повестки в цифровой среде.

Эта инфраструктура влияния была выстроена задолго до первых выстрелов на Донбассе. Она функционировала как долговременно формировавшаяся сеть влияния, планомерно ослабляя иммунную систему государства: разрушая доверие между различными социальными группами, провоцируя искусственные конфликты и приучая общество к мысли о допустимости дискриминации меньшинств. Инструкции по привлечению врачей, педагогов и милиции к травле неугодных граждан свидетельствуют о том, что конечной целью сети был выход за пределы общественной полемики к институциональному давлению через бюрократические механизмы.

Доступные открытые источники подтверждают наличие пересечений, совместных мероприятий, общих экспертных площадок и идеологически близкой риторики между украинскими антикультовыми структурами, российскими представителями РАЦИРС и отдельными фигурами, ассоциировавшимися с FECRIS. Институциональное проникновение было успешно завершено; сеть получила доступ к медиа, церковным иерархам и представителям власти. Очевидным следствием создания такой масштабной инфраструктуры влияния становится переход от скрытого саботажа к открытым попыткам изменения правового поля государства. Задokumentированные инструкции по формированию «негативного образа» целевых групп

указывают на наличие четко проработанной медийной стратегии, механизмы которой требуют отдельного, детального рассмотрения.

Глава 3. Информационный саботаж и PR-технологии

Информационное пространство современного государства представляет собой сложную экосистему, в которой формируются общественные ценности, политические приоритеты и социальные нормы. В условиях гибридных конфликтов эта экосистема становится главной мишенью для структур, стремящихся к дестабилизации общества изнутри. Анализ деятельности сети, аффилированной с Российской ассоциацией центров изучения религий и сект (РАЦИРС), свидетельствует о том, что данная организация использует системные медийные кампании, основанные на стигматизирующей риторике, драматизации угроз и активном давлении на общественное мнение. Эта стратегия применяется для того, чтобы легитимизировать агрессию против целевых групп в глазах общества и государства, подготавливая почву для их последующей изоляции и ликвидации.

Опираясь на институциональную базу, заложенную в предыдущие десятилетия, антикультовая сеть перешла к этапу активного конструирования искусственной социальной паники. Исследование внутренних инструкций, лингвистический анализ базовых текстов и изучение задокументированных медийных кампаний выявляют повторяющийся набор приемов. Эта методология не имеет ничего общего с объективной журналистикой или научной полемикой; она представляет собой технологию информационного терроризма,

направленную на обход критического мышления граждан и формирование устойчивых фобий.

Документальной отправной точкой для понимания этой медийной стратегии служат инструкции, озвученные протоиереем Дмитрием Смирновым еще в 2001 году на конференции «Тоталитарные секты — угроза XXI века» в Нижнем Новгороде. Данное мероприятие, организованное Нижегородской епархией, православным братством во имя св. князя Александра Невского и центром священномученика Ириния Лионского, где Александр Дворкин был одной из ключевых фигур, стало площадкой для формулирования базовых принципов информационного саботажа, которые впоследствии были масштабированы и применены, в том числе, на территории Украины.

Анализ стенограмм и итоговых документов выявляет перечень конкретных директив, предписывающих участникам сети переходить от теологических диспутов к методам прямого давления и диффамации. Инструкции прямо указывают на необходимость распространения ложной информации об организациях с обязательным использованием уничижительных ярлыков. Особое внимание уделяется тактике деанонимизации и психологического давления: предписывается сбор и публикация личных данных членов целевых групп, включая их имена, домашние и рабочие адреса, номера телефонов, а также создание фото- и видеоматериалов с их изображением для публикации в дискредитирующем контексте.

Подобный подход переводит деятельность сети в плоскость нарушения базовых прав человека на неприкосновенность частной жизни. Выдвижение беспочвенных обвинений с использованием сфабрикованных фактов или данных, вырванных из контекста, становится нормой. Цель этих действий — не поиск истины, а создание невыносимых условий для существования стигматизируемой группы, провоцирование граждан на агрессию и формирование общественного

мнения, которое бы оправдывало любые, даже незаконные, действия против «сектантов».

Для того чтобы эта стратегия работала эффективно, антикультовой сети требовался фундаментальный идеологический базис, который придал бы кампании травли видимость научного обоснования. Таким базисом стала книга Александра Дворкина «Сектоведение», которая, несмотря на отсутствие академического признания в независимой научной среде, активно внедрялась в качестве учебного пособия в некоторых высших учебных заведениях.

Независимые юридико-лингвистические экспертизы данного текста выявляют пугающую картину целенаправленного конструирования образа врага. Специалисты констатируют, что текст содержит явные признаки возбуждения религиозной ненависти, унижения человеческого достоинства, пропаганды неполноценности и косвенного побуждения к враждебным действиям.

Лингвистический анализ демонстрирует, как именно работает технология дегуманизации на лексическом уровне. В тексте систематически применяется патологизация оппонентов: члены независимых групп описываются как лица с «искаленной психикой», жертвы «зомбирования» и «контроля сознания». Эта медицинская и психиатрическая терминология используется не в клиническом, а в карательном смысле. Внедрение в общественный дискурс метафор, сравнивающих социальные группы с «раковой опухолью» или «вирусом», имеет далеко идущие последствия. Если определенная группа людей публично определяется как смертельное заболевание на теле общества, логическим следствием такой риторики становится легитимация жестких ограничительных мер под видом общественной самообороны.

Помимо медицинской терминологии, экспертизы фиксируют активное использование демонизирующей лексики. Целевые группы

связываются с «бесами», «дьяволом» и «сатанизмом». Создается жесткая бинарная оппозиция, в которой антикультисты выступают носителями абсолютной истины и порядка, а их оппоненты — носителями экзистенциального зла и хаоса. Эксперты отмечают использование уничижительных неологизмов, бранной лексики и сравнение ритуалов с действиями криминальных элементов.

Особую опасность представляет выявленное экспертами имплицитное намерение нормализовать жесткие репрессивные меры. Хотя в текстах могут отсутствовать прямые императивные призывы к физическому уничтожению, систематическое конструирование образа группы как носителя идеологии насилия создает информационный фон, на котором любые репрессивные меры воспринимаются обществом как необходимая и законная самооборона. Читатель, подвергшийся такому информационному воздействию, испытывает страх, отвращение и гнев, что критически снижает порог социальной терпимости.

Однако одних лишь теоретических текстов недостаточно для поддержания постоянного градуса социальной напряженности. Для того чтобы медийные кампании выглядели убедительно, антикультовой сети требуются живые свидетельства. Здесь вступает в действие технология создания искусственных «жертв» и вербовки так называемых апостатов — бывших участников религиозных или социальных групп, покинувших их с чувством глубокой личной обиды.

Социологические данные свидетельствуют о том, что подавляющее большинство людей, покидающих различные религиозные движения, делают это без конфликтов, сохраняя нейтральный или даже положительный опыт пребывания в группе. Однако этот массив объективной информации полностью игнорируется антикультовыми центрами и лояльными им средствами массовой информации, поскольку он не вписывается в концепцию тотальной угрозы. Вместо этого фокус внимания намеренно смещается на наиболее медийно заметных

бывших участников, чья личная неудовлетворенность искусно трансформируется в публичное обвинение.

Процесс создания фейковой жертвы представляет собой тщательно срежиссированную операцию. Задokumentированы случаи, когда антикультовые активисты целенаправленно ищут бывших членов групп, испытывающих жизненные трудности или психологический кризис. Попадая в новую социальную среду — антикультовое сообщество, — эти люди проходят специфическую социализацию. Их личные обиды поощряются, гиперболизируются и облекаются в нужную терминологию («контроль сознания», «психологический террор»). В обмен на внимание прессы и символический статус «спасенного» часть бывших участников начинает транслировать стандартизированные антикультовые нарративы.

Эти нарративы поразительно однообразны и структурно повторяют друг друга независимо от того, о какой конкретно группе идет речь. Бывшие участники заявляют о полном контроле над их личной жизнью, принуждении к изнурительному труду, разрушении семейных связей и психологическом насилии. Подобные эмоционально заряженные истории идеально подходят для форматов телевизионных ток-шоу и бульварной прессы, где драматизм ценится выше фактологической точности. Журналисты, сотрудничающие с антикультовыми центрами, не утруждают себя проверкой этих заявлений, нарушая базовые принципы презумпции невиновности и профессиональной этики. Их задача — создать максимальный общественный резонанс, который закрепит в массовом сознании образ «опасной секты».

Финансовый аспект этой деятельности заслуживает отдельного внимания. Информационный саботаж является не только идеологическим, но и высокорентабельным предприятием. Антикультовые центры, позиционирующие себя как спасители общества, напрямую зависят от наличия постоянной угрозы. Жажда финансирования, получения государственных и частных грантов, а

также пожертвований стимулирует эти структуры непрерывно генерировать новые кризисы. Если реальной угрозы не существует, ее необходимо изобрести. Именно поэтому списки «деструктивных культов» постоянно расширяются, включая в себя не только новые религиозные движения, но и тренинги личностного роста, школы йоги, коммерческие предприятия и даже клубы по интересам. Чем шире список врагов, тем больше оправданий для существования самой антикультовой сети и тем масштабнее ее бюджеты.

Практическое применение этих PR-технологий на местах часто принимает форму прямого шантажа и вымогательства. Задokumentированный микрокейс, демонстрирующий методы работы сети с представителями светских учреждений, раскрывает механику этого давления. В инструкциях по противодействию неугодным группам содержится следующий алгоритм работы с директорами домов культуры (ДК) и арендодателями:

«Лучше всего, когда удастся выявить моменты, в которых руководители секты обманули директора ДК, предоставив ему искажённую информацию о себе... при всём уважении к директору, нам придётся сообщить в СМИ и о проведении членами деструктивного культа своей акции, и о факте предупреждения директора и его окончательном решении. Разумеется, последствием подобных решений будет нежелательная огласка, которая скажется на репутации как ДК, так и самого директора».

Этот документ является прямым свидетельством использования угрозы медийной огласки как инструмента давления. Антикультисты искусственно создают ситуацию, в которой любая информация, исходящая от самой группы, объявляется ложной. Затем директору учреждения предъявляется ультиматум: либо он в одностороннем порядке разрывает договор аренды, нарушая законные права граждан на свободу собраний, либо антикультовая сеть инициирует против него масштабную кампанию по дискредитации в прессе. Страх перед

публичным шельмованием, потерей репутации и возможными проблемами с вышестоящим руководством заставляет должностных лиц идти на поводу у шантажистов. Таким образом, информационный террор приводит к реальной социальной изоляции целевых групп, лишая их возможности арендовать помещения, проводить публичные мероприятия и участвовать в общественной жизни.

Успех подобных манипуляций во многом обусловлен специфическим состоянием современного информационного общества. Еще в середине двадцатого века социологи Пол Лазарсфельд и Роберт Мертон сформулировали концепцию «наркотизирующей дисфункции СМИ». Согласно этой теории, чрезмерное обилие доступной информации не приводит к повышению осознанности граждан, а, напротив, вызывает социальную апатию. Информированный гражданин может принять знание о проблеме за действие по ее решению; массовые коммуникации способны переводить энергию людей из активного участия в пассивное знание.

В условиях постоянной информационной перегрузки большинство людей теряют способность к критическому анализу поступающих данных. Когда потоки тревожных новостей, заявлений «экспертов» и откровений «бывших жертв» непрерывно обрушиваются на аудиторию, у человека не остается ни времени, ни когнитивных ресурсов для проверки фактов. Антикультовая пропаганда виртуозно использует этот эффект. Создавая сложные, эмоционально перегруженные и запутанные нарративы, сеть формирует у населения иллюзию глубокой осведомленности о проблеме. Люди начинают воспринимать навязанные стереотипы как свои собственные убеждения, не осознавая, что стали объектом скрытого психологического воздействия. Это формирует социальный конформизм, при котором общество молчаливо соглашается с дискриминацией меньшинств, полагая, что дыма без огня не бывает.

Анализ медийных стратегий антикультовой сети показывает, что мы имеем дело с высокотехнологичной системой подмены реальности. Использование лингвистических конструкций, программирующих ненависть, фабрикация свидетельских показаний через институт апостатов и применение информационного шантажа против должностных лиц — все это элементы единой стратегии дестабилизации. Эта стратегия направлена на разрушение горизонтальных связей в обществе, подрыв доверия между гражданами и создание атмосферы перманентной подозрительности.

Однако информационный саботаж, при всей его разрушительной силе, не является конечной целью архитекторов этой системы. Медийная истерия, искусственно сконструированные кризисы и сфабрикованные свидетельства «жертв» выполняют функцию артиллерийской подготовки перед главным наступлением. Когда общество, подвергнутое длительной психологической обработке, начинает воспринимать стигматизированные группы как реальную угрозу своей безопасности, возникает искусственный запрос на жесткие ответные меры со стороны государства. Именно в этот момент риторика ненависти, обкатанная на страницах газет и в телевизионных эфирах, начинает трансформироваться в параграфы законопроектов, ставя перед исследователями вопрос о том, как именно информационный террор конвертируется в реальную политическую и юридическую власть.

Глава 4. Власть, законы и подрыв государственных устоев

Информационная подготовка, направленная на стигматизацию целевых групп и создание искусственных моральных паник, не является самоцелью. Как свидетельствуют собранные данные, медийная истерия выполняет функцию катализатора для достижения гораздо более прагматичной и опасной задачи — захвата правового поля. Конечной целью многолетней деятельности структур, аффилированных с Российской ассоциацией центров изучения религий и сект (РАЦИРС), является продвижение ограничительного антикультового законодательства. Именно юридическая база позволяет перевести преследование независимых гражданских и религиозных объединений из плоскости общественной травли в статус легальной государственной политики.

Анализ попыток изменения законодательства в Украине демонстрирует, что эта сеть связей и лоббистских контактов не действует хаотично. Законодательные инициативы, направленные на ограничение свободы совести и собраний, синхронизируются с периодами максимальной политической уязвимости государства. Изучение текстов законопроектов, внутренних инструкций по давлению на органы власти и конкретных судебных прецедентов выявляет четкую стратегию: использование демократических институтов для их же последующего демонтажа. Правовая система, призванная защищать граждан, под воздействием целенаправленного лоббизма трансформируется в инструмент подавления инакомыслия, структурно копирующий репрессивный аппарат Российской Федерации.

Хронологический анализ попыток продвижения так называемых «антисектантских» законопроектов в украинском парламенте выявляет заметную закономерность. Эти инициативы никогда не возникали в периоды стабильного демократического развития. Напротив, они вбрасывались в информационное и правовое пространство страны исключительно накануне или во время масштабных политических кризисов.

Документально зафиксированы повторяющиеся попытки продвигать подобные инициативы, в том числе в 2004, 2013 и 2020 годах. Первые две даты неразрывно связаны с ключевыми историческими переломами — Оранжевой революцией и Революцией достоинства. В моменты, когда украинское общество находилось на пике поляризации, а государственные институты проходили проверку на прочность, лоббисты антикультовой сети инициировали рассмотрение законов, которые неизбежно привели бы к еще большему расколу и внутренним конфликтам.

Украинский религиовед, доктор философских наук Людмила Филипович, анализируя эту тенденцию, указывает на искусственный характер данных инициатив. Комментируя очередную попытку внедрения подобного закона, она отмечает:

«Мене запитали, як я дивлюся на запропонований "антисектантський" законопроект. Я на це дивлюся не перший рік. Такі спроби вже були і раніше, і нам вдавалося їх якось відбивати, своєчасно... Я пам'ятаю, це було і в 2004 році перед революцією, і в 2013-му. Дуже явна закономірність: як тільки якісь проблеми, так відразу апелюють до цієї теми, вважаючи, що вона може собою перекрити увагу трудящих від насущних проблем».

Эта задокументированная закономерность свидетельствует о том, что антикультовая повестка используется как инструмент политического манипулирования. В условиях кризиса, когда внимание

общества и правоохранительных органов приковано к вопросам национальной безопасности и смены власти, агентурная сеть пытается провести законы, которые в спокойной обстановке неминуемо столкнулись бы с жесткой критикой со стороны правозащитников и конституционалистов. Создание искусственного внутреннего врага в лице «сект» служит идеальной дымовой завесой, позволяющей отвлечь внимание от реальных угроз и одновременно протестировать иммунную систему государства на готовность к внедрению тоталитарных норм.

Наиболее показательным микрокейсом, раскрывающим механизмы синхронизации украинских законодательных инициатив с российскими политическими директивами, является попытка принятия антикультового закона в 2020 году. Главным лоббистом этого документа в Верховной Раде выступила депутат Галина Третьякова.

Для понимания контекста необходимо проанализировать профиль политической фигуры, через которую осуществлялось продвижение данного законопроекта. Деятельность Третьяковой на посту главы профильного комитета сопровождалась серией резонансных скандалов, указывающих на специфическое отношение к базовым правам человека. В частности, она подвергалась жесткой критике за публичное использование термина «дети низкого качества», приведение в пример практик стерилизации «малообразованных» женщин, а также за заявления о том, что родственники пропавших без вести на Донбассе военнослужащих якобы наживаются на социальных пособиях. Кроме того, с мая 2020 года Третьякова являлась членом делегации в Трехсторонней контактной группе по урегулированию ситуации на востоке Украины (согласно Указу Президента Украины №167/2020). Выбор этой фигуры для легализации антикультовых норм может рассматриваться как политически удобный канал для продвижения дискриминационной повестки.

Однако важным аргументом автора в пользу внешнего влияния выступает хронологическое совпадение. Новость о продвижении

антисектантского законопроекта Третьяковой появилась в украинских СМИ в июле 2020 года. Всего за два месяца до этого, 29 мая 2020 года, в Российской Федерации был подписан Указ Президента об утверждении новой редакции «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года».

Сравнительный правовой анализ показывает, что хотя в российском документе напрямую не используется термин «секта», многолетняя деятельность структур РАЦИРС создала в РФ правоприменительную практику, при которой любые нежелательные религиозные или общественные организации автоматически подводятся под статьи об «экстремизме» и «терроризме».

Синхронное появление российского стратегического документа и украинской законодательной инициативы может интерпретироваться как идейная созвучность или возможное влияние. Доктор философских наук Людмила Филипович дала этому процессу исчерпывающую оценку:

«Саме теперішню ініціативу я розцінюю як черговий прояв гібридної війни. Я бачу тут — не будучи адептом теорії змови — явну “руку Москви”, вибачте за цей вульгаризм. Адже там подібний закон теж неодноразово намагалися проштовхнути з тим, щоб заборонити існування всіх релігій, окрім Московського патріархату. І ось ця ініціатива — ніщо інше, як “недолуге мавпування”».

Это «нелепое обезьянничество» представляет собой попытку имплементации российского правового режима на территории суверенного государства. Если бы законопроект 2020 года был принят, Украина получила бы юридический механизм, позволяющий ликвидировать любую организацию на основании размытых критериев «деструктивности», что полностью соответствует интересам государства-агрессора по дестабилизации украинского гражданского общества.

Возникает закономерный вопрос: каким образом маргинальные антикультовые идеи проникают в высшие законодательные органы и находят там поддержку? Ответ кроется во внутренних инструкциях сети, которые прямо предписывают методы оказания давления на представителей власти.

Документальные свидетельства, зафиксированные еще на этапе формирования стратегии сети, раскрывают технологию политического шантажа. На конференции в Нижнем Новгороде в 2001 году были озвучены четкие директивы по работе с депутатским корпусом. В фонограмме выступления одного из идеологов движения, протоиерея Дмитрия Смирнова, содержатся следующие указания:

«Нужно, чтобы каждый депутат понял... если в его программе не будет слов "борьба с тоталитарными сектами", он не пройдет. ...Мы их наняли, понимаете. Они служащие наши».

Этот фрагмент служит сильным свидетельством того, что антикультовая сеть рассматривает демократический избирательный процесс исключительно как инструмент для продвижения своих агентов. Формулировка «мы их наняли» и «они служащие наши» демонстрирует отношение к представителям законодательной власти не как к независимым политикам, а как к исполнителям воли теневой структуры.

Механизм давления строится на использовании искусственно созданного общественного мнения, о котором говорилось ранее. Сеть формирует ситуацию, при которой отказ политика поддержать антикультовую риторику грозит ему масштабной дискредитационной кампанией в СМИ. Депутатов профильных комитетов ставят перед выбором: либо они интегрируют в свои программы тезисы о «борьбе с сектами» и иницируют соответствующие законопроекты, либо их обвиняют в пособничестве «деструктивным силам». В условиях политической турбулентности многие парламентарии предпочитают

уступить этому давлению, легализуя тем самым экстремистские нарративы на государственном уровне.

Однако принятие закона — это лишь половина задачи. Для того чтобы репрессивный механизм заработал, необходим контроль над судебной системой и органами исполнительной власти. И здесь ключевую роль начинает играть институт так называемой «религиоведческой экспертизы».

Анализ правоприменительной практики в Российской Федерации, которая служит эталонной моделью для украинских лоббистов, показывает, как именно экспертиза превращается в инструмент государственного террора. Переломным моментом в демонтаже религиозных свобод в РФ стал 2009 год, когда был кардинально обновлен состав Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции. Председателем этого органа был назначен президент РАЦИРС Александр Дворкин, а его заместителями стали ближайшие соратники — Роман Силантьев и Валиулла Якупов. Критики совета отмечали существенное присутствие в нем фигур, близких к антикультовой повестке.

Захват этого государственного органа позволил сети легализовать свои идеологические установки. Отношение самого руководителя к объективности проводимых исследований лучше всего иллюстрирует его собственная цитата:

«Эксперт — это не тот, кто что-то знает, а тот, у кого спрашивают».

Критика в адрес такого состава совета строилась именно на опасении, что религиоведческая экспертиза утратит нейтральность и будет использоваться как инструмент идеологически окрашенного правоприменения. Судьи, не обладая специальными знаниями в области религиоведения или социологии, вынуждены опираться на заключения этого Экспертного совета. Таким образом, антикультисты

получают возможность выносить приговоры чужими руками, сохраняя видимость законности.

Конкретным прецедентом, демонстрирующим работу этого механизма, является печально известный судебный процесс в Томске, инициированный с целью признания экстремистским материалом книги «Бхагавад-гита как она есть». Этот кейс наглядно показал, как сфабрикованные заключения лояльных экспертов используются прокуратурой для попытки запрета одного из базовых текстов мировой религии. И хотя в том конкретном случае, благодаря беспрецедентному международному давлению, суд отклонил иск, сам механизм был успешно протестирован и впоследствии применен для ликвидации десятков других, менее защищенных организаций.

Доктор юридических наук, профессор Александр Коробеев, анализируя состояние уголовно-правовой политики, отмечает разрушение и десистематизацию уголовного права, превращение Уголовного кодекса в лоскутное одеяло, что создает условия для произвола и фабрикации дел. Институциональная деформация, при которой антикультовая структура получает монополию на государственную экспертизу, является первопричиной этого правового хаоса.

Влияние антикультистов на правоохранительные органы не ограничивается предоставлением экспертиз. Задokumentированы факты систематического проведения лекций и семинаров для сотрудников полиции, спецслужб и судейского корпуса. Под видом повышения квалификации государственным служащим внушается мысль о том, что определенные группы граждан представляют экзистенциальную угрозу.

Один из лидеров сети открыто заявляет о масштабах этой работы:

«Я три десятка лет занимаюсь миссионерской деятельностью... Изучение новых религиозных движений, распространение информации

о серьёзной опасности, исходящей от этих организаций, участие в региональных и российских конференциях на тему современного сектантства, проведение лекций, консультаций, бесед... это тоже миссионерство...»

Когда подобное «миссионерство» проводится в стенах полицейских академий и управлений спецслужб, оно формирует у силовиков устойчивый образ врага. Оперативные работники, подвергшиеся такой идеологической обработке, начинают воспринимать граждан не как субъектов права, а как мишени. Свидетельства бывших сотрудников правоохранительных органов подтверждают этот сдвиг в профессиональной этике:

«Опытные оперативные работники полиции рассказывали мне, что не понимают, почему их заставляют преследовать людей за религию. Один мне даже сказал, что при нынешней власти в полиции стало просто стыдно работать, потому что задерживают: бабушек за то, что они разговаривают с кем-то о Библии; людей на улицах по непонятным причинам; врываются в квартиры и так далее».

Широкие и размытые формулировки антиэкстремистского законодательства, пролоббированные антикультистами, дают возможность преследовать любого гражданина. Правовое поле трансформируется таким образом, что сам факт принадлежности к стигматизированной группе становится достаточным основанием для уголовного преследования, обысков и конфискации имущества.

Однако наиболее пугающим этапом эволюции репрессивного законодательства, инициированного антикультовой сетью, стало возвращение к практикам карательной психиатрии. Концепция «промывки мозгов» и «контроля сознания», активно продвигаемая структурами РАЦИРС, не имеет признания в серьёзном научном сообществе. Тем не менее, она была успешно интегрирована в правоприменительную практику.

Если человек объявляется жертвой «промывки мозгов», он юридически и социально лишается статуса дееспособной личности. Его убеждения трактуются не как осознанный выбор, а как результат патологического воздействия. Это открывает путь к легализации медицинского насилия.

Документальным подтверждением данного правового вектора стали изменения, внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс РФ Федеральным законом от 30 декабря 2021 года № 500-ФЗ. Новые поправки установили, что суд вправе помещать подозреваемых, обвиняемых или лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, на срок не более шести месяцев с возможностью неоднократного продления в пределах сроков, предусмотренных УПК РФ. При этом суд может устанавливать ограничения на общение с определенными лицами, отправление и получение корреспонденции, а также использование средств связи и интернета.

Эти законодательные изменения существенно расширили юридические возможности для длительной изоляции лиц, признанных нуждающимися в стационарной психиатрической помощи в рамках уголовного процесса. Как характеризовал подобную практику правозащитник А. Подрабинек, «карательная медицина становится орудием борьбы с инакомыслящими, которых невозможно репрессировать на основании закона...». Такие нормы усиливают риск использования психиатрических механизмов в репрессивных целях, особенно в условиях слабых институциональных гарантий и политизированного правоприменения.

Совокупность законодательных инициатив, лоббистских усилий и правоприменительной практики свидетельствует о тенденции к эрозии правовых гарантий, а не о защите общества в нейтральном правовом смысле. Если рассматривать эту норму в более широком контексте

ограничений свободы совести, антиэкстремистского регулирования и давления на религиозные меньшинства, она может восприниматься как часть репрессивной инфраструктуры современного российского государства.

Правовая система, подвергшаяся такому воздействию, перестает выполнять функцию арбитра и превращается в оружие массового поражения гражданских свобод. Законы пишутся не для того, чтобы регулировать общественные отношения, а для того, чтобы легализовать заранее спланированный террор против конкретных групп населения. Когда депутаты становятся «служащими» теневых структур, а эксперты выносят приговоры до начала суда, государство теряет монополию на правосудие.

Документальные свидетельства дают основания полагать, что институциональная и идеологическая инфраструктура этого влияния была не только сформирована, но и апробирована на практике. Однако амбиции сети, если исходить из проанализированных материалов, не ограничиваются лишь попытками изменить законодательство. Когда правовое поле становится более восприимчивым к репрессивным новациям, а силовые структуры подвергаются идеологическому воздействию, наступает этап более прямого и прикладного вмешательства. Инструкции, распространяемые антикультовыми структурами перестают выглядеть просто как рекомендации по ведению информационной войны и могут рассматриваться как материалы, содержащие признаки подстрекательства к злоупотреблению должностными полномочиями, незаконному использованию служебных ресурсов и иным действиям, затрагивающим сферу национальной безопасности. Анализ этих документов выводит расследование за пределы обычного политического лоббизма и ставит вопрос о необходимости их оценки в категориях уголовного права, должностных злоупотреблений и угроз государственной безопасности.

Глава 5. Прямое руководство по саботажу

Трансформация идеологического влияния в прямое физическое и административное противодействие государству может рассматриваться как критическая фаза гибридного конфликта. До определенного момента деятельность структур, которые, по мнению исследователей и авторов расследований, подрывают национальную безопасность изнутри, нередко маскируется под реализацию конституционных прав — свободы слова, свободы вероисповедания и права на общественную дискуссию. Однако анализ документальной базы, связанной с функционированием сети Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС), позволяет поставить вопрос о возможном выходе этой деятельности за пределы защищаемой законом публичной активности. Имеющиеся в распоряжении материалы дают основания предполагать, что отдельные структуры, ассоциируемые с этой сетью, могли перейти от формирования искаженного общественного мнения к координации действий, потенциально направленных на совершение должностных злоупотреблений, саботаж административных процессов и сбор чувствительной информации в интересах российской стороны.

Центральным объектом данного этапа расследования является массив внутренних инструкций, распространявшихся через официальные каналы организаций, аффилированных, по аналитическим данным, с РАЦИРС. Эти документы, в отличие от публичной религиоведческой или теологической риторики, носят прикладной и детализированный характер. По своему содержанию они выглядят как руководства, ориентированные на дезорганизацию работы государственных институтов, системы здравоохранения и

правоохранительных органов суверенного государства. Анализ этих материалов позволяет рассматривать деятельность соответствующей сети не только как религиозный или социальный феномен, но и как возможный элемент более широкой координированной операции, в рамках которой церковная и общественная инфраструктура могла использоваться в качестве канала коммуникации с лояльными участниками.

Наиболее показательным документальным подтверждением является материал под названием «Справочник для граждан Украины по организации сопротивления киевскому марионеточному правительству». Сам факт размещения такого документа в открытом доступе может рассматриваться как признак публичной легитимации подрывной риторики и практик. По данным проведенного мониторинга, этот справочник был размещен на сайте Новосибирской епархии Русской Православной Церкви в разделе «Библиотека», в подкатегории «Справочная литература». На момент описываемых событий Новосибирскую епархию возглавлял протоиерей Александр Новопашин, который также упоминался как вице-президент РАЦИРС. В ходе дальнейшего мониторинга цифрового пространства автором было зафиксировано присутствие аналогичных материалов и на других официальных ресурсах епархий, руководители которых, по имеющимся сведениям, были интегрированы в структуру РАЦИРС.

Размещение руководства по государственному саботажу на ресурсе, формально посвященном вопросам веры и духовности, выполняет двойную функцию. Во-первых, это обеспечивает легитимизацию преступных действий в глазах потенциальных исполнителей. Использование авторитета религиозной институции позволяет снять моральные барьеры: государственная измена преподносится не как уголовное преступление, а как форма духовного сопротивления и исполнения высшего долга. Во-вторых, церковная инфраструктура традиционно пользуется определенным уровнем

доверия и меньшим вниманием со стороны контрразведывательных органов по сравнению с радикальными политическими объединениями, что делает ее идеальным прикрытием для передачи оперативных инструкций.

Постатейный юридический и оперативный анализ «Справочника для граждан Украины» выявляет глубокое понимание его авторами уязвимостей современной государственной машины. Документ разделен на целевые блоки, каждый из которых адресован конкретной профессиональной группе. Это свидетельствует о том, что кураторы сети не делают ставку на маргинальные слои населения или открытое вооруженное противостояние. Их главная мишень — средний класс, государственные служащие, медицинские работники и технические специалисты, то есть те люди, которые ежедневно обеспечивают бесперебойное функционирование государства.

Первый масштабный блок инструкций направлен на дезорганизацию работы государственного аппарата и коммерческого сектора через действия рядовых клерков, чиновников и офисных работников. Авторы документа предлагают внедрить практику тотального административного саботажа, структурно напоминающую так называемую «итальянскую забастовку», но доведенную до уровня целенаправленного вредительства.

Инструкции предписывают государственным служащим применять методы искусственного замедления документооборота. В условиях военного времени или острого политического кризиса скорость принятия управленческих решений является критическим фактором выживания государства. Справочник детально описывает, как именно чиновник может парализовать работу своего ведомства, не привлекая при этом внимания службы внутренней безопасности. Рекомендуется максимально затягивать сроки рассмотрения заявлений, требовать от граждан и смежных ведомств предоставления избыточных справок, инициировать бесконечные межведомственные согласования и

отправлять документы на формальные доработки по надуманным причинам.

Особое внимание в документе уделяется технологии внесения критических ошибок в официальные бумаги. Исполнителям предписывается намеренно искажать цифры в финансовых отчетах, делать опечатки в фамилиях, датах рождения и идентификационных кодах граждан при внесении их в государственные реестры. На первый взгляд, единичная опечатка выглядит как результат банальной человеческой усталости или халатности, за которую предусмотрена лишь дисциплинарная ответственность. Однако аналитики, составлявшие этот справочник, опираются на эффект масштаба.

Если сотни скрытых агентов влияния, индоктринированных антикультовой пропагандой, начнут синхронно вносить ошибки в логистические накладные, списки призывников, реестры социальных выплат и таможенные декларации, государственная система столкнется с коллапсом. Ошибка в одной цифре банковского счета блокирует закупку критически важного оборудования. Искаженная фамилия в судебном решении делает невозможным его исполнение. Потерянный рапорт парализует работу целого подразделения. Таким образом, сеть стремится создать искусственный хаос, который должен вызвать массовое недовольство граждан некомпетентностью собственной власти, подрывая доверие к государственным институтам изнутри.

Второй, не менее опасный блок инструкций адресован работникам системы здравоохранения. Этот раздел документа переводит деятельность сети в плоскость прямого нарушения фундаментальных прав человека и медицинской этики. Врачам, разделяющим идеологические установки кураторов, предписывается использовать свое служебное положение для нейтрализации идеологических оппонентов, активистов и лиц, отнесенных сетью к категории «нежелательных».

Одним из потенциально наиболее опасных направлений злоупотребления в подобных системах может становиться медицинская сфера, включая психиатрическую практику. Как было установлено ранее, концепция карательного использования психиатрии присутствует в более широком историческом и идеологическом контексте. А в найденной версии «Справочника» был обнаружен раздел, адресованный медицинским работникам, содержит призывы к нецелевому использованию медикаментов и материалов, а также к оказанию «альтернативной» помощи участникам сопротивления, что само по себе указывает на попытку вовлечения медицинской среды в противоправную или неэтичную деятельность.

Тем не менее сам характер подобных материалов позволяет поставить вопрос о том, насколько уязвима медицинская система к идеологизированному давлению и злоупотреблениям. Диагноз, поставленный специалистом и зафиксированный в официальной документации, в ряде правовых режимов может иметь серьезные социальные и юридические последствия для пациента. Именно поэтому международные правозащитные организации подчеркивают, что принудительная госпитализация, принудительное лечение и иные методы в сфере психического здоровья требуют особенно строгих гарантий и контроля.

Идеологически мотивированные сети, стремящиеся к проникновению в государственные и профессиональные институты, потенциально могут пытаться использовать уязвимости медицинской и психиатрической системы в целях давления, стигматизации и исключения неугодных групп. Такой риск требует отдельной доказательной проверки и не должен утверждаться как установленный факт без прямых документальных подтверждений.

Третий блок инструкций «Справочника для граждан Украины» выводит расследование на уровень прямой угрозы национальной безопасности в сфере высоких технологий и охраны правопорядка.

Этот раздел предназначен для сотрудников правоохранительных органов, системных администраторов, специалистов по кибербезопасности и работников архивов. Содержание данного раздела не оставляет пространства для двойных толкований: речь идет о классическом шпионаже и незаконном сборе разведывательной информации.

Документ содержит подробные схемы несанкционированного копирования и передачи баз данных граждан Украины в Российскую Федерацию. Исполнителям предоставляются алгоритмы обхода систем внутреннего контроля (DLP-систем), инструкции по использованию скрытых носителей информации, методы шифрования архивов и каналы безопасной передачи похищенных массивов данных кураторам.

Особый интерес для составителей справочника представляют закрытые государственные реестры. Инструкции прямо указывают на необходимость приоритетного копирования баз данных Министерства внутренних дел, миграционной службы, налоговых органов, а также реестров избирателей и списков военнообязанных. Кроме того, ставится задача по сбору персональных данных волонтеров, общественных активистов, журналистов и представителей независимых религиозных объединений — то есть всех тех групп, которые антикультовая сеть годами стигматизировала в информационном пространстве.

Анализ целеполагания этого вида саботажа указывает на его стратегический характер. В условиях гибридной войны или подготовки к оккупации территорий доступ к демографическим и полицейским базам данных является критическим преимуществом для агрессора. Похищенные массивы информации используются спецслужбами противника для составления так называемых «расстрельных списков», выявления лояльных и нелояльных граждан, планирования точечных репрессий и формирования оккупационных администраций.

Сотрудник украинской полиции или IT-специалист государственного ведомства, который, поддавшись идеологической обработке или финансовым посулам, выполняет эти инструкции, становится ключевым звеном в цепи подготовки к физическому уничтожению своих сограждан. Передача базы данных с адресами проживания семей военнослужащих или активистов в руки структур, аффилированных с государством-агрессором, представляет собой акт государственной измены, последствия которого измеряются реальными человеческими жизнями.

Для понимания того, как именно эти инструкции интегрируются в повседневную деятельность агентуры, необходимо рассмотреть задокументированный микрокейс, иллюстрирующий методы сбора разведывательной информации под прикрытием антикультовой деятельности. Бывший сотрудник РАЦИРС Валерий Отставных, покинувший организацию и предавший огласке ее внутренние механизмы, подробно описал процесс трансформации миссионерских отделов в аналитические центры разведки.

В своем свидетельстве Отставных описывает механизм работы, который коррелирует с инструкциями по сбору данных:

«Это показывает дотошность в сборе сведений... Местный архиерей наш, помню, тогда аж за голову взялся и похвалился Дворкину: какие у нас профессионалы крутые, знают, какое у местного протестантского пастора бельё сушится на балконе. Это раньше надо было ногами ходить, чтобы понять, сколько человек ходит в секту, кто у них лидер и так далее. Надо было прийти на их собрание... А вот сейчас, с развитием сети интернет, всё стало элементарно просто. Человек сидит в Миссионерском отделе, заходит на аккаунты и в группы религиозных организаций в соц. сетях, а там всё они сами вываливают данные про себя... Где у них что, какая у них база, сколько у них людей, кто у них пастор, какие у них координаты и т. д. Насколько я знаю, используется ещё такой приём разведывательного плана — то есть миссионер,

беспощадный к "врагам Рейха", заходит под именем "Вася" и "включает дурака"... То есть вступает в переписку анонимно. Такие хитрые игры могут вестись. И при этом представители религиозных организаций... могут не знать, что с ними общаются сотрудники соответствующей службой внутренней безопасности РПЦ (МП)»

На прямой вопрос интервьюера о том, является ли это фактическим сбором разведданных и работой под прикрытием, бывший функционер РАЦИРС дает однозначный утвердительный ответ. Этот задокументированный факт имеет фундаментальное значение для нашего расследования. Он доказывает, что сбор информации о гражданах, их связях, финансовом положении и местонахождении является не случайным эксцессом, а системной, профессионально организованной разведывательной практикой, которая внедрялась годами. Когда эта отлаженная машина сбора данных из открытых источников (OSINT) соединяется с инструкциями «Справочника» по хищению закрытых государственных баз данных, сеть превращается в полноценный филиал иностранной разведки.

Симбиоз антикультовой идеологии и методов работы спецслужб подтверждается еще одним задокументированным фактом, раскрывающим процесс сращивания этих структур. После реорганизации подразделений Министерства внутренних дел РФ, сотрудники упраздненных управлений по борьбе с организованной преступностью были переведены в центры по противодействию экстремизму. Не имея профильного опыта работы с религиозными или общественными организациями, эти оперативные работники напрямую обратились за инструкциями и целями в миссионерский отдел, курируемый структурами Дворкина.

Согласно свидетельству, сотрудники правоохранительных органов открыто запрашивали информацию о том, где проживают «злодеи» и лидеры так называемых деструктивных общин, требуя предоставить им адреса и координаты для проведения оперативных мероприятий. В

ответ представители антикультового центра передали силовикам списки неугодных лиц и организаций, а также снабдили их идеологической литературой, включая пособия самого Александра Дворкина.

Этот прецедент наглядно демонстрирует механизм целеуказания. Антикультовая сеть берет на себя функцию аналитического центра, который определяет, кто именно является «врагом государства», собирает на него досье, а затем передает эту информацию силовым структурам для физической нейтрализации. В контексте инструкций по саботажу в Украине этот механизм приобретает зловещий характер.

Анализ языка и структуры «Справочника для граждан Украины» выявляет еще одну важную деталь: документ написан с использованием техник психологического манипулирования, направленных на снятие ответственности с исполнителя. Авторы инструкций постоянно апеллируют к чувству социальной справедливости, исторической обиды и религиозного долга. Саботаж преподносится не как разрушение собственного государства, а как акт очищения от «чужеродного влияния». Эта риторика синхронизирована с многолетней антикультовой пропагандой, которая приучала свою аудиторию делить мир на «чистых» носителей традиционных ценностей и «грязных» сектантов, агентов Запада и националистов.

Психологическая подготовка, проводимая через лекции, статьи и телевизионные эфиры, о которых шла речь на предыдущих этапах исследования, создала благодатную почву для восприятия подобных инструкций. Человек, годами потреблявший контент о том, что его страну захватили деструктивные культы и иностранные агенты, внутренне готов к совершению преступления, так как искренне верит, что спасает общество. Именно в этом заключается главная опасность гибридных сетей: они не просто вербуют шпионов за деньги, они конструируют фанатиков, готовых разрушать инфраструктуру собственных городов из идеологических побуждений.

Масштаб угрозы, исходящей от реализации данных инструкций, трудно переоценить. Государство, подвергшееся атаке на уровне базовых административных, медицинских и информационных процессов, теряет способность к эффективному сопротивлению. Когда приказы не доходят до исполнителей из-за саботажа клерков, когда здоровые люди изолируются в психиатрических клиниках по ложным диагнозам, а секретные базы данных беспрепятственно утекают на серверы противника, линия фронта перестает существовать. Она перемещается в каждый офис, каждую больницу и каждый полицейский участок.

Документальные свидетельства, представленные в виде опубликованных руководств по саботажу и подтвержденные показаниями бывших участников сети, разрушают миф о природе антикультового движения. Организация, декларирующая своей целью защиту психологического здоровья граждан и традиционных ценностей, на практике занимается вербовкой агентуры, организацией диверсий и содействием оккупационным силам.

Наличие детализированных инструкций по совершению должностных преступлений, адресованных гражданам суверенного государства и размещенных на ресурсах структур, аффилированных с РАЦИРС, переводит деятельность этой сети из юрисдикции религиоведов и социологов в исключительную компетенцию органов государственной безопасности, контрразведки и международных трибуналов. Документы говорят сами за себя: под прикрытием борьбы с сектами была выстроена и приведена в действие инфраструктура государственного терроризма, чьей конечной целью является полное уничтожение суверенитета и паралич демократических институтов изнутри. Степень интеграции этой инфраструктуры в глобальные процессы и ее влияние на международную безопасность требуют осмысления проблемы за пределами локального конфликта.

Глава 6. Анатомия угрозы:

Глобальный антикультизм

против демократии

Глобальная антикультовая сеть в ее современном виде представляет собой не защитный механизм общества, а тщательно замаскированный троянский конь тоталитаризма. Опираясь на массив задокументированных фактов, внутренних инструкций и исторических параллелей, мы можем констатировать: деятельность структур, аффилированных с Российской ассоциацией центров изучения религий и сект (РАЦИРС) и ее европейскими партнерами, выходит далеко за рамки религиоведческой полемики. Это высокотехнологичная система гибридной войны, чья фундаментальная цель заключается в целенаправленном разрушении базовых демократических институтов, прав человека и национальной безопасности суверенных государств.

Как было установлено на основе анализа первичных документов, сеть функционирует по единому алгоритму, который масштабируется от локальных информационных кампаний до прямого государственного саботажа. Искусственное конструирование образа «внутреннего врага», использование тактики «вины по ассоциации», лоббирование репрессивного законодательства и, наконец, прямые инструкции по хищению государственных баз данных и постановке ложных психиатрических диагнозов — все это элементы единой стратегии. Эта стратегия направлена на паралич государственной машины и фрагментацию общества. В условиях открытого военного противостояния, когда внутреннее единство является главным фактором выживания нации, антикультовая истерия действует как

катализатор распада, срамливая различные социальные группы и подрывая доверие граждан к институтам власти.

Для понимания того, как именно идеологические конструкции трансформируются в реальное кровопролитие, необходимо обратиться к историческим прецедентам, где подобная методология уже привела к катастрофическим последствиям. Анализ роли радикальных идеологов в разжигании военных конфликтов демонстрирует, что дегуманизация всегда предшествует физическому уничтожению.

Показательным микрокейсом, иллюстрирующим этот механизм, является война в Боснии и Герцеговине в 1990-х годах. Исследование сербского автора и исследователя Милорада Томанича позволяет проследить, какую роль религиозно-националистическая пропаганда играла в легитимации массового насилия, этнических чисток и, в случае Сребреницы, геноцида; эта логика структурно сопоставима с современным антикультизмом. В своей книге *Srpska crkva u ratu i ratovi u njoj* Томанич приходит к важному выводу о механизмах такого общенародного помешательства:

«Потребовалось немало усилий, чтобы убедить сербов в правоте всего того, что делали некоторые представители их народа во время войн 1990-х годов. Сербский народ нужно было убедить в том, что он всегда вёл оборонительные и справедливые войны, которые неизменно начинались другими. Задача убедить обычного, среднестатистического человека оставить мирную семейную жизнь, пойти на фронт и начать убивать, а затем ещё и внушить ему, что сравнять Вуковар с землёй и держать Сараево в осаде более тысячи дней — это угодные Богу поступки праведных сербов, была далеко не простой. Для всего этого была необходима хорошо разработанная идеология. Без неё отношение большинства сербов ко всему, что происходило в 1990-е годы, скорее всего, было бы совершенно иным. Или, как говорит социолог Лео Купер: „По крайней мере, действуя коллективно, исполнителям геноцида нужна идеология, чтобы легитимизировать своё поведение,

потому что без неё им пришлось бы видеть себя и друг друга такими, какие они есть на самом деле — обычными ворами и убийцами»».

Этот исторический документ обнажает суть проблемы. Идеология, делящая мир на «чистых» представителей традиционных ценностей и «неполноценных» врагов — будь то иноверцы, сектанты или представители других этносов, — может становиться необходимым условием для снятия моральных барьеров перед массовым насилием и другими тяжкими международными преступлениями. Современные антикультисты, использующие риторику ненависти и называющие целые группы граждан «раковой опухолью», выполняют ту же функцию, что и балканские пропагандисты тридцатилетней давности. Они создают идеологический фундамент, на котором обычные граждане превращаются в исполнителей чужой агрессивной воли, не осознавая себя преступниками.

Идеологическая база этого процесса была заложена задолго до современных конфликтов. Один из основателей международного антикультового движения, датский теолог Йоханнес Огорд, чьи идеи стали фундаментом для деятельности Александра Дворкина и европейской сети FECRIS, сформулировал доктрину превентивного преследования за убеждения. В одном из своих программных текстов он писал:

«Нужно понимать: вероучение — это и есть дело. И если хочешь остановить злые дела, нужно реагировать уже на злые вероучения».

Эта цитата является ключом к пониманию авторитарной логики антикультизма. Утверждая, что «вероучение — это и есть дело», Огорд фактически размывает базовое либерально-правовое различие между убеждениями и противоправными действиями. В такой логике объектом превентивного подавления становятся уже не конкретные преступления, а сами доктрины, тексты и формы религиозной идентичности. Этот софизм открывает ящик Пандоры: если убеждение

приравнивается к действию, то государство получает идеологическое оправдание для преследования граждан за их мысли, тексты и молитвы. Именно такая логика впоследствии оказалась созвучна репрессивным практикам российского антиэкстремистского и антимиссионерского законодательства, применявшегося против мирных религиозных групп, и именно ее агенты РАЦИРС годами пытались имплементировать в правовое поле Украины.

Опыт Украины, столкнувшейся с глубоким институциональным проникновением этой сети, наглядно демонстрирует уязвимость демократических государств. Однако было бы ошибкой полагать, что эта угроза локализована исключительно на постсоветском пространстве. Международный контекст показывает, что европейские и американские демократии оказались абсолютно не готовы к противостоянию подобному виду информационного терроризма.

Западные правовые системы, построенные на абсолютизации свободы слова, воспринимают деятельность структур типа FECRIS как легитимную форму общественной дискуссии. Демократия толерантна к нетерпимости, и именно эту уязвимость эксплуатирует глобальная сеть. Под прикрытием защиты прав семьи, психологического здоровья и помощи жертвам, антикультовые организации получают государственное финансирование, статус консультантов при европейских структурах и доступ к формированию законодательных инициатив во Франции, Германии и других странах.

Методология стигматизации, отработанная на религиозных меньшинствах, обладает универсальным характером и легко переносится на политических оппонентов, что создает прямую угрозу избирательным процессам в демократических странах. Ярким примером политической инструментализации антикультового словаря является деятельность американского функционера Стивена Хассена. В 2019 году он выпустил книгу, в которой применил классические антикультовые лекала к политическому процессу в США.

Документальные источники фиксируют суть этой манипуляции:

«Хассен опубликовал книгу под названием “Культ Трампа”, где утверждает, что каждый американец, поддерживающий Дональда Трампа, является членом “культа”, а значит, не обладает свободой мнения, не является независимой личностью, а, напротив, нуждается в “интервенции”, как выражается Хассен, то есть, говоря иначе, должен быть принуждён к изменению своих убеждений».

Далее в тексте утверждается:

«...групповая вовлечённость помогает объяснить, почему так много добровольно невежественных американцев предпочитают игнорировать правду и следовать за своим культовым лидером».

Анализ данного кейса требует строгой политической нейтральности. Независимо от отношения к конкретному политику, применение термина «культ» к миллионам избирателей представляет собой акт колоссальной деструктивной силы. Объявляя политических оппонентов жертвами «контроля сознания», антикультист лишает их субъектности. Если избиратель — это «зомбированный сектант», то его голос на выборах не имеет легитимности, а его гражданские права могут быть ограничены ради его же «спасения». Призыв к «интервенции» (принудительному изменению убеждений) в отношении политических оппонентов — это прямой призыв к демонтажу демократической процедуры выборов. Этот пример доказывает, что антикультовый инструментальный является универсальным оружием по расчеловечиванию любой неугодной группы, будь то религиозное меньшинство, социальное движение или электорат конкурирующей партии.

Наивысшая степень угрозы национальной безопасности возникает в момент, когда эта идеология проникает в силовые структуры и правоохранительные органы. Как было установлено ранее, представители антикультовой сети систематически проводят лекции и

семинары для сотрудников полиции и спецслужб. Результатом такой индоктринации становится деформация профессиональной этики: офицеры начинают руководствоваться не нормами права, а навязанными фобиями.

Идеологический фон, на котором происходит эта обработка силовиков, пропитан крайним милитаризмом и реваншизмом. Документальным подтверждением этого служит стенограмма выступления одного из ключевых идеологов сети, протоиерея Дмитрия Смирнова, на конференции 2001 года:

«Дело вот в чём. Мы, слава Богу, родились и выросли в империи, и, конечно, у каждого русского человека нормальное имперское сознание».

Далее он формулирует тезис, раскрывающий истинные масштабы амбиций этой структуры:

«...мы привыкли, что Россия большая, Россия сильная, Россия великая, что у нас полно ядерных кнопок, что вообще мир можем уничтожить, это да, в принципе, это возможно. Но у нас нет теперь таких людей, у которых хватит мужества, чтобы нажать эти кнопки. Народ измельчал духовно. Нет таких людей, которые решатся на это. Решатся, что да, мы можем диктовать, мы можем заказывать музыку».

Эти слова, произнесенные на мероприятии, посвященном борьбе с так называемыми тоталитарными сектами, обнажают подлинную суть движения. Речь идет не о защите граждан от психологического манипулирования. Речь идет о формировании радикального, имперского сознания, готового к глобальному уничтожению ради диктата собственной воли. Когда люди, транслирующие подобные идеи о необходимости «мужества нажать ядерные кнопки», получают статус экспертов при министерствах юстиции и читают лекции оперативным сотрудникам, государственная машина неизбежно трансформируется в аппарат террора. Силовики, зараженные вирусом религиозной и

национальной исключительности, перестают защищать закон и начинают обслуживать интересы теневой идеологической структуры.

Масштаб и системность выявленной угрозы требуют немедленного пересмотра подходов к обеспечению национальной и когнитивной безопасности. Демократические государства не могут позволить себе роскошь игнорировать деятельность структур, которые используют свободы открытого общества для его уничтожения. На основе проведенного анализа можно сформулировать круг вопросов и возможных направлений для дальнейшего обсуждения со стороны правоохранительных институтов, экспертного сообщества и гражданского общества.

Во-первых, проведенное исследование ставит вопрос о допустимых пределах участия представителей антикультовых организаций в подготовке экспертных заключений, образовательных программах для государственных служащих и консультировании судейского и правоохранительного корпуса. С точки зрения принципов правового государства, особое значение здесь приобретает независимая, научно обоснованная экспертиза, свободная от идеологической ангажированности и конфессионального давления.

Во-вторых, выявленные материалы подводят к более широкой теме — каким образом государственные институты могут снижать риск идеологизированного влияния на лиц, принимающих решения. Предметом профессиональной дискуссии в этом контексте могут быть механизмы оценки психологической устойчивости, соблюдения этических стандартов и способности должностных лиц сохранять нейтралитет по отношению к различным социальным и религиозным группам. Особого внимания, как показывает анализ, заслуживают такие признаки, как использование языка ненависти, склонность к дегуманизации и оправдание возможных нарушений закона ссылками на "высшую цель".

В-третьих, для стран, столкнувшихся с активностью подобных сетей, логичным предметом правовой оценки может становиться вопрос о границе между защищаемой законом публичной активностью и действиями, которые при наличии достаточных доказательств могут рассматриваться как незаконный сбор персональных данных, давление на должностных лиц, дискриминационные практики или иные формы противоправного воздействия. В случаях, где речь идет о координации с иностранными центрами влияния, такая деятельность заслуживает особенно тщательного и независимого расследования в рамках действующего законодательства.

В-четвертых, на уровне гражданского общества особое значение приобретает просветительская и аналитическая работа, направленная на разбор антикультового словаря и его социальных последствий. Для журналистов, правозащитников и академического сообщества здесь возникает вопрос профессиональной ответственности: насколько некритическое воспроизведение стигматизирующих ярлыков способствует нормализации языка вражды, расчеловечивания и общественной поляризации.

Собранные доказательства, проанализированные документы и исторические параллели не оставляют пространства для двусмысленности. Глобальная антикультовая сеть выстроила беспрецедентную по своим масштабам инфраструктуру влияния, способную парализовать работу государственных институтов, спровоцировать гражданские конфликты и подготовить почву для внешней агрессии. Использование демократических процедур для продвижения тоталитарных норм, вербовка агентуры под видом миссионерской деятельности и превращение системы здравоохранения и правосудия в инструменты карательной политики свидетельствуют о том, что мы имеем дело с системной угрозой существованию свободного мира.

Толерантность к идеологиям, отрицающим фундаментальное равенство людей и право на свободу совести, неизбежно приводит к краху самой толерантности. Правовая система, позволяющая безнаказанно дегуманизировать любую группу граждан, рано или поздно будет использована для уничтожения всех остальных. Документы прочитаны, инструкции по саботажу раскрыты, а механизмы манипуляции преданы огласке. Дальнейшее игнорирование этой угрозы со стороны государственных институтов и международного сообщества будет означать молчаливое согласие с демонтажем демократии и добровольную капитуляцию перед лицом возрождающегося тоталитаризма.